

Пётр Карцев

Грешенка

Рассказ

*Ipse simulat se captum ut te capiat;
a te inclusum, te finaliter concludat.*

Henricus de Hassia¹

- Роман, — сказал он, останавливаясь у скамейки.
- Повесть.
- Что «повесть»? Это отзыв? — неуверенно пошутил он.
- А что «роман»?
- Это мое имя.

Она прищурилась поверх темных очков.

- Ах да. Но вы...
- В частной жизни Роман.
- В таком случае — Роман Виленович, я полагаю?
- Давайте без формальностей, — попросил он.
- Профессиональная этика, — охладила она, но без заносчивости.

Она сидела в длинном черном платье, закинув ногу на ногу, и покачивала носком синей туфельки. Ее рука была вытянута вдоль спинки скамейки, и вся поза демонстрировала праздную расслабленность. Не проявляя участия к его нерешительности, она слегка наклонила голову и подкрутила пальцем короткий черный завиток на шее.

Лесбиянка, с любопытством подумал он.

У нее была короткая мальчишеская стрижка, изящно выполненная, с четко прочерченным левым пробором и выразительно-небрежно зачесанной набок челкой. Волосы лежали мягко, и это вызвало его расположение. Если бы они торчали жестким ежиком, это бы его непременно насторожило. А плохо было то, что голова ее с этой стрижкой казалась непропорционально маленькой для долговязой фигуры.

- Могу я сесть?

Пётр Карцев родился в 1968 году в Москве. Учился на факультете психологии МГУ и в Московском государственном лингвистическом университете. Известен переводами классики кино, выполненными в 90-е годы. Автор романа «Тропик Водолея» (2017). В «Дружбе народов» публикуется впервые.

¹ Прикидывается пленным, чтобы пленить тебя;
в тебя проникнув, тобой овладевает. (лат.)

Генрих фон Лангештейн

Она слегка приподняла ладонь, лежавшую на спинке, и сделала короткий пригласительный жест. Он сел, украдкой бросив взгляд в сторону выхода из парка — зеленой арки из двух сходящихся древесных крон. Отсюда было видно нос машины, припаркованной у обочины, и шофера, который стоял с сигаретой у капота и смотрел в их сторону. Шубейкин, с одной стороны, испытывал абсурдное удовольствие от того, что встречается с привлекательной молодой женщиной на глазах у шофера. *Чистый эксгибиционизм*, сокрушенно и радостно подумал он. А с другой стороны, ему было все же немного тревожно: пусть даже тот старый гэбэшник и всегда корректен, может ли он быть вполне неподкупен? Все-таки человек деликатный и нелюбопытный, даже если бы подглядывал, не стоял бы и не пялился так откровенно в их сторону.

— Оплата будет наличными? — прервала его мысли долговязая.

Он улыбнулся невольно.

— А вы, что же, и карты принимаете?

Между ними лежали, чуть прикрытые ее склоненной фигурой, миниатюрная синяя сумочка и черная папка для бумаг. Она раскрыла сумочку и продемонстрировала Шубейкину содержимое. Внутри, вместе со всякой женской мелочью, имелся портативный платежный терминал.

— Но это не всегда в интересах клиента, — сказала она.

— Я предполагаю, что не в ваших интересах тоже, — с любезной улыбкой парировал он.

— Что вы имеете в виду? — спросила она с легким удивлением, как ему показалось, за бесстрастной маской.

Шубейкин вскинул перед ней обе ладони.

— Я не задаю никаких вопросов о происхождении лота, — сказал он. — Это ваше дело.

Она слегка нахмурила лоб.

— «Лота»?

— На языке аукционных домов, — объяснил он. — Называйте как хотите. Но я в нетерпении, поэтому скажите мне скорее, что это. «Сын отечества» или «Благонамеренный»?

Она изучающе рассмотрела его лицо в деталях, словно пластический хирург, рассчитывающий стоимость операции.

— Роман Виленович, — произнесла она наконец. — О чем вы говорите?

Он цокнул языком и прикрыл глаза, переваривая разочарование.

Затем покачал головой.

— Увы, — сказал он, — я надеялся на чудо. Издания двадцать шестого и двадцать девятого года у меня есть. Конечно, если ваша книга в блестящем состоянии...

— Боюсь, что вы находитесь во власти заблуждения, Роман Виленович, — прервала она.

Все еще покачивая головой, горько чертыхаясь про себя, он хлопнул ладонью по правому карману пиджака, достал оттуда записку.

— Как вам удалось, кстати, проскользнуть мимо консьержа к почтовым ящикам? — спросил он.

— У нас есть методы, — машинальным тоном произнесла она, принимая у него из рук листок с неровным краем, как вырванный из школьной тетради. — Все верно, — прочитав, подтвердила, скомкала бумагу и убрала в сумочку. Шубейкин проследил взглядом судьбу записки, но ему не пришло в голову возражать.

— Если вы хотите сказать, что обладаете неизвестным доселе изданием, то поверьте, я слишком стреляный воробей, чтобы...

— Изданием чего? — уже несколько устало перебила она.

— Ну как же, — он ткнул пальцем в сторону сумочки. — Вы же сами написали. «Неверную деву лобзал армянин». И сами предложили встречу.

— И какой вывод вы сделали?

— Очевидный, — сказал он, начиная слегка кипятиваться. Сколь бы сомнительным ни было происхождение ее экземпляра, все эти эквивоки и лукавая уклончивость не служили никакой цели и выводили его из терпения. — Единственный и очевидный вывод: что вы предлагаете мне купить одно из первых изданий, содержащих публикацию «Чёрной шали». Я смел надеяться, что это будет пятнадцатый выпуск «Сына отечества» за тысяча восемьсот двадцать первый год или хотя бы десятый номер «Благонамеренного», что тоже превосходно. Но прижизненные книжные издания у меня уже есть, одно из них даже...

Она откинула маленькую головку назад и расхохоталась. Линия шеи у нее была изящной и тонкой, удивительно беззащитной вопреки деловой и небрежной манере разговора с мужчинами. Вообще ее хрупкость и открытые тонкие плечи были приятны Шубейкину, и он решил не сердиться на нее, какой бы глупостью ни оказалось в итоге ее предложение.

Когда взгляд брюнетки вернулся к нему, из-под очков были видны высоко вздернутые завитые ресницы.

— Простите, — еще с дрожью веселья в голосе сказала она. — Кто написал «Чёрную шаль»?

Он уставился на нее.

— Пушкин, разумеется.

— Так, — зафиксировала она достигнутый прогресс тоном человека, пытающегося продрасть через недоразумение кратчайшим путем. — Я вижу теперь, что в контексте библиофилии ваша интерпретация записки была эксцентричной, но допустимой.

Шубейкин тряхнул головой.

— То есть речь не о Пушкине?

— Не сегодня.

Он чуть отстранился и даже отодвинулся от нее немного, слегка опустив подбородок, глядя подозрительно.

— Но тогда, позвольте... в чем причина нашей встречи?

— Меня можно не бояться, — перешла она вдруг почти к развязности. — Пушкин бы оценил иронию. Забавно, что вы отнесли цитату на счет антикварной реликвии, из которой она позаимствована, а между тем, жизнь следует литературе на каждом шагу.

— Пушкин не реликвия, — возразил Шубейкин.

— И я вам это докажу, — согласилась она. — За подобающее яркости примера вознаграждение.

— Ого! — сказал с усмешкой Шубейкин. — Что же вы хотите мне предложить? Мои интересы...

— ...Не ограничиваются Пушкиным, вероятно?

Он развел руками.

— Я полагал, что Пушкин вмещает в себя мир. Вы когда-нибудь слышали про энциклопедию русской жизни?

— Том первый. От А до адюльтера.

— Тогда знаете ли вы, что «адюльтер» происходит от латинского образования, означающего «привносить из запредельного»?

У Шубейкина не было интеллектуальных претензий, но он много читал и даже мечтал втайне поразить когда-нибудь академический и литературный мир небольшой, но блестяще аргументированной статейкой о каком-нибудь пропущенном аспекте пушкинского творчества. Тщеславия он был лишен; но яркой звездочкой мелькнуть на небосклоне литературы и раствориться — это было бы ему приятно.

Собеседница изучала его сквозь темные стекла.

— Хорошо, — сказала она наконец. — Коли под вами лед сам не треснет, придется ломать. Простите великодушно.

— *Простите великодушно*, — в интонационных кавычках повторил Шубейкин. — Вы сами, как пушкинская барышня, выражаетесь.

— Тургеневская, наверное? — предположила она. — Барышни обычно бывают тургеневские.

— Тургенев посредственный писатель, — возразил Шубейкин. — Пушкин — это моя страсть.

— Повторяю вам, это не та страсть, которая нас сейчас интересует.

— У меня, — продолжал он, — самая большая в стране частная коллекция книг о Пушкине и прижизненных изданий.

Шубейкина понесло. Он начал рассказывать ей библиографические данные некоторых самых редких экземпляров из своей коллекции. Тема была для него почти интимной, закрытой для случайных знакомых или даже коллег по работе. Он и сам не знал, почему глупое недоразумение заставило его вдруг довериться этой странной барышне. Которая, впрочем, очень быстро вновь его прервала:

— Роман Виленович, — сказала она мягко, но ловко, так что лезвие ее голоса проникло точно в зазор между его словами. — Жена ваша вам изменяет.

— ...из библиотеки графа Нессельроде, с его экслибрисом, — закончил он замирающим шепотом, и сердце его болезненно скакнуло, ударившись о ребра. — Что?

Она без слов достала из деловой папки несколько фотографических снимков и передала ему. На верхнем, еще из ее рук, он увидел лицо своей жены Алёны, повернутое к фотографу, открытое, взволнованное, почти испуганное, вопросительное. Нижняя рамка кадра обрезала руку, лежавшую на чьем-то плече. Следующая фотография содержала ту же сцену, но общим планом: мужчина спиной к камере склоняется к ее шее; Алёна вскидывает испуганный взгляд в сторону фотографа.

— Сочувствую вам, — сказала отделившаяся внезапно куда-то очень далеко разносчица дурных новостей.

Шубейкин медленным механическим жестом перебрал один за другим все снимки. Какой-то парк; безлюдно, как в будний день в обед; ветка цветущей черемухи над головами любовников; а вот они уже на скамейке, и рука мужчины лезет Алёне под блузку.

— Как... — начал он, остановился, задохнувшись, потом начал снова. — Зачем это у вас?

— Мы молодая компания на рынке, — непринужденно ответила брюнетка, расслабленно откинувшись назад и раскинув обе тонкие загорелые руки вдоль спинки, словно отбрасывая прежнюю деловитость в пользу ленивой дружеской беседы. — У нас достаточно средств на рекламный бюджет, но рекламу наших услуг, дорогих и деликатных, трудно таргетировать на ту аудиторию, которая нас интересует.

— Ваших услуг? — переспросил Шубейкин, с усилием ворочая языком и не слыша сам себя, словно в голове свистел ветер. — Вы преследовали мою жену, вы... напугали ее...

— Нет-нет, — успокаивающе сказала она. — Наши агенты пользуются исключительно скрытыми камерами. В оправе очков, как правило. Ее встревоженный взгляд вызван, без сомнения, нечистой совестью, которая подозревает соглядата в каждом прохожем.

— Нечистой совестью! — вскричал он.

Собеседница слегка повернула голову и окинула глазами окрестности.

— Не стоит так кричать, — предложила она. — Вопрос, в конце концов, деликатный.

Шубейкин обнаружил, что у него трясутся руки. Он перевернул фотографии изображением вниз и попытался задернуть мысленную завесь перед разверзшейся

внезапно запредельностью. Но где-то в лобной доле словно бы вращался теперь зеркальный шар, то и дело пульсирующий вспышками черного света.

— Что вы знаете о деликатности? — дрожащим голосом произнес он. — Известно ли вам, что моя жена — крохотное, нежное существо, добрейшее, добрейшее... Как я ее люблю — известно ли вам? Что в ней моя душа, мое счастье, мое будущее...

Слова эти в первую очередь изумили самого Шубейкина. Хотя к жене он относился и в самом деле трепетно, никогда ничего подобного в отчетливую форму до сих пор не облакал, и жизнь его была занята в основном работой и любимыми фолиантами. *Не потому ли? не потому ли?* тут же подумал он. И затем сразу поразила мысль, что если все сказанное собеседницей — правда, то никакого будущего у него, быть может, и нет, все оно перечеркнуто одной ошибкой, запиской в почтовом ящике, необдуманной явкой на вероломное свидание, подлым ударом судьбы...

Он снова перевернул фотографии и попытался всмотреться в них, борясь с истерической слепотой, всполохами черных пятен перед глазами.

— Клевета, клевета, — пробормотал он и тут же вырвал взглядом неоспоримые доказательства обратного. — Он принудил ее! — молящим голосом обратился к собеседнице.

— Вы еще не видели дальнейшего, — сказала она ровно и в то же время как будто с ноткой сочувствия.

— Люблю больше жизни, — жарким шепотом сказал Шубейкин.

Собеседница посмотрела на него непроницаемо сквозь черные очки и едва заметно коснулась кончиками пальцев его плеча.

— Роман Виленович, — сказала она. — Вы неожиданно милый человек, поэтому дам вам маленький совет. Не нужно делиться со мной приватными чувствами. Наши с вами профессиональные отношения почти окончены. Кто знает, какой меня может посетить соблазн воспользоваться вашей непрошенной откровенностью.

Он пустым взглядом окинул парк, затем повернул голову и уставился на нее.

— Что вы имеете в виду?

Она улыбнулась одними губами и сухо сказала:

— Сегодня мой клиент вы, завтра кто-нибудь еще.

Шубейкин облилиз сухие губы, прикрыл глаза. Волна отчаяния достигла высшей приливной точки, безысходная скорбь залила все без остатка, и на некоторое время он перестал чувствовать что-либо вообще.

— Профессиональная этика, — сказал он. — Вы сами упомянули профессиональную этику.

Опасная собеседница бросила короткий взгляд на миниатюрные часики в платиновом корпусе.

— И она в вашем распоряжении еще на пятьдесят минут, Роман Виленович. Я вписала нашу встречу в счет как часовую, не обессудьте. Биллинг меньше часа не предусмотрен, к сожалению.

— Вы продаете свою этику на почасовой основе! — тихо и горько вскричал Шубейкин.

Она медленно сняла очки и приподняла бровь.

— Мне странно слышать это от вас, называющего детские трупы постановочным реквизитом.

Шубейкин вздрогнул и дернулся как от удара.

У брюнетки были синие глаза. Он увидел их отчетливо благодаря легкому ветерку, колыхнувшему тень липовой ветки у нее на лице, и взгляд их, на мгновение выхваченный солнцем, поразил Шубейкина, как клинок. Невероятной, пожалуй, синевы глаза — а скорее даже, цветные линзы. Шубейкин не был ни толстокож, ни тугоумен. И обстоятельство это поразило его двояко: во-первых, какова! подобрать цвет глаз под цвет тувель и сумочки! А во-вторых, было что-то жутковатое в таком

сокрытии подлинного взгляда, словно ты не знал до конца, с кем разговариваешь. И в-третьих, в-третьих, показалось ему с новым дуновением ветра, зрачок тоже был синий! Или не было его вовсе.

Губы Шубейкина между тем тряслись от обиды.

— Я вижу, вы себя обманываете, что вы идеалист, — сказала она. — Не подвергайте сомнению мою профессиональную этику, и я не стану подвергать вашу.

— Как вас зовут? — с неожиданной хрипотцой спросил он.

— Нет никакой необходимости вам знать, как меня зовут, — без вызова заметила она. — Но из любезности я вам скажу: Ленор.

— Шепчут ангелы его, — машинально произнес Шубейкин себе под нос.

— Большинству приходит в голову стиральный порошок.

Он наклонился вперед, опершись руками о колени, сцепив пальцы перед собой.

— Знаете ли вы, что По мог читать Пушкина в переводах Борро? — механически спросил он, не думая, что говорит.

— Храни меня, мой Тамерлан? — предположила она. — Я знаю, что обоих влек первый цвет юности.

Шубейкин вспыхнул, повернулся на секунду к ней. Дразнит ли она его нарочно? Но синий взгляд был пустым и немного жутким. Его собственный разрез глаз не допускал испытующего прищура. Он отвернулся в смущении.

— Завершим нашу транзакцию, — предложила она.

Он вопреки всему усмехнулся.

— Что же, вы ожидаете, я вам заплачу за разбитую жизнь?

— Все мы предпочитаем жить во сне, Роман Виленович, но пробуждения иногда неизбежны, — без назидательности произнесла Ленор. — Жду я только денег, но легкая, необременительная благодарность мне будет так же приятна. В конце концов, более позднее пробуждение могло бы оказаться намного грубее.

— Идите к черту, — сказал Шубейкин.

Она улыбнулась одними губами.

— Как видите, я хрупкая, беззащитная женщина, — сказала она, — и применять доступные мне методы принуждения было бы абсурдно по столь ничтожному поводу — ради всего лишь денег. Тем не менее, я думаю, что вы заплатите.

— Вы полагаетесь на мое извращенное любопытство? — презрительно спросил Шубейкин.

Она покачала головой и вновь спрятала глаза за темными очками.

— Вы просто не пожелаете оставлять мне эти изображения.

Он посмотрел себе под ноги на высушенные августовской жарой последних дней тополиные листья, желтые в бурых пятнах, цвета его загубленной теперь жизни. И ведь эта пустота была всегда, он просто не видел ее.

— Сколько вы хотите? — отрывисто спросил он.

Она назвала сумму — по нелепой иронии, ровно в тех же пределах, что он рассчитывал заплатить за «Благонамеренного». Шубейкин потянулся за пазуху.

— Только дождемся, пока пройдет старушка с коляской, — предложила Ленор.

Он проводил взглядом старушку, достал пачку купюр, отсчитал двадцать пяти тысячных, беззвучно шевеля губами; отделил, вернул в карман, и протянул остаток.

— Пересчитайте, я настаиваю, — попросил он.

— Нет необходимости, — сказала Ленор. — Я наощупь определяю.

С этими словами она подняла пачку на уровень его глаз, держа между большим и указательным пальцем. Пальцы у нее были длинные, изящные и в то же время крепкие, цепкие, как очень точные и надежные инструменты. Станным показалось

Шубейкину, как идеально была соблюдена горизонталь в ее жесте, и как неподвижна была рука.

— Может быть, вы и фотографировать глазами умеете? — сухо предположил Шубейкин.

— Я много что умею глазами делать, — сказала она, ловко убирая деньги в сумочку и открывая папку для бумаг.

— Глаза — зеркало души, — пробормотал Шубейкин, подразумевая избитую фразу как риторический плевок.

— Пушкин? — спросила Ленор.

Он посмотрел на нее с легкой оторопью. В этой ее манере на грани деловитости и издевки, то ли намеренной, то ли наивной, было что-то, вопреки всему, интригующее, даже... осмелится ли он признаться себе? — привлекательное. Он всмотрелся в ее мальчишеское изящество, тонко вычерченные скулы, острую линию подбородка... если бы только эта маленькая головка не портила ее слегка... В ней было что-то от неуклюжего ангела-переростка.

Она достала из папки конверт, из которого пальцами приоткрыла веером уголки еще нескольких фотографий, словно в виде искушения. С отвращением ко всему на свете он вытащил одну навскидку. На ней был изображен мужчина, опускающийся на сиденье дорогой машины, где рядом, со стороны пассажира, угадывалась женская фигура. Лакированное дерево и желтая кожа в салоне. Широкое, но не полное лицо, смуглая кожа, жесткие волосы, чуть посеребренные на висках. Умные, внимательные, немного насмешливые глаза.

Не моложе меня, с глухой болью в сердце подумал Шубейкин.

Моложе — нет, но выше, атлетичнее и, как сейчас сказали бы, — брутальнее. И красив, черт возьми. Шубейкин не питал никаких иллюзий по поводу своей внешности. Рядом с этим великолепным самцом он сам с таким же успехом мог быть представителем другого животного вида. Общего у них на глаз было не больше, чем у тигра, скажем, с... *С боровом*, подсказал себе Шубейкин. Да, с боровом. Детское прозвище «Хряк» вспомнилось ему. Не то чтобы Шубейкин когда-нибудь сильно забывал о своем обидном детстве. Все эти вещи не проносятся даром, не перечеркиваются последующим ходом жизни.

— Кто он? — глухо спросил Шубейкин.

— Голландец, — деловито сообщила Ленор. — Атташе по культуре.

Дипломат, подумал Шубейкин. *Неприкасаем*. К тому же познакомилась с ним Алёна наверняка на одном из тех приемов, куда он сам же ее водил. С другой стороны, для чего нужна красавица-жена, если не выводить ее в свет? Пусть смеялись над ним за то, что женился на молоденькой провинциалке, да, он знал, что смеялись за спиной; а все равно завидовали! Пожирали ее глазами, раздевали взглядом и завидовали, зная, что нынче ночью им лежать в одной постели... и что он, Шубейкин, обладает всеми правами на это безупречное, волнуемое тело, которого не касалась рука пластического хирурга, на эти губы и глаза зеленые... И как все головы поворачивались, когда они входили, и дальние перехватывали взгляды ближних и тоже вертели шеями, чтобы остолбенеть при виде такого совершенства; ни один, ни один не пропускал, чтобы не обернуться... Эх!

— Вот, возьмите, — сказала Ленор, протягивая на ладони компьютерную флешку. — Здесь все фотографии, видео и письменный отчет. Три локации. Парк — это то, что я вам показала. Уровень компрометации средний. Ресторан. Без компрометации. И отель. Максимальный уровень.

— Уровень компрометации, — мертвым голосом повторил Шубейкин. — Это что же?

Он взял флешку, зажал в кулаке, опустил бессильно руки на колени. Один из снимков соскользнул на землю. Ленор наклонилась его поднять, смахнула

любопытного муравья, затем достала оставшиеся снимки у Шубейкина из несопротивлявшихся пальцев и деловитым жестом, исключавшим любое допущение интимности, убрала ему во внутренний карман пиджака. Затем опустила ладонь Шубейкину на рукав. И тут легонько повела пальцами, то ли утешительно, то ли проверяя качество пиджака.

— Возьмите себя в руки, Роман Виленович, — сказала она. — Нет такого мужчины, который никогда не подозревал бы за маской верности тайной склонности к разврату.

Шубейкин внезапно вновь потерял хладнокровие.

— Но не это, не это! — почти взвыл он. — Никогда я такого не подозревал!

Она приподняла бровь, которой только легкий налет сочувствия не позволил принять полностью иронический изгиб.

— Что же, позвольте спросить? — поинтересовалась она.

Он горько покачал головой, все еще не веря до конца.

— Подруг, подруг ее подозревал, — объяснил он, рефлексивно глядя внутрь себя. — Что деньги из нее тянут. Что к плохому могут приучить. Она ведь только год как в Москве. У нее... много досуга, я понимаю. Надо чем-то себя занять. Соблазны... Но не это.

— Это с древних времен один из самых известных соблазнов, Роман Виленович.

— Максимальный уровень компрометации, — с отвращением произнес он. — Что это на вашем языке? Скажите прямо. Можете меня не щадить.

— Гостиничный номер. Снят на сутки, использован на два часа. В прошлую среду, день вашей большой пресс-конференции по сирийскому вопросу.

Шубейкин покачал головой.

— У вас какая-то бессердечная профессиональная деформация, — сказал он. — «Использован на два часа!» Туалет используют! Бумагу туалетную! А два человека в гостиничном номере... это что, как это называется? Как вы можете знать, для чего они... что... есть миллион причин для... приватного уединения... важный разговор... не обязательно...

Она посмотрела на него долгим взглядом, но теперь в ее сочувствии появился оттенок жалости, словно она сочувствовала его слабоумию.

— Посмотрите видео, Роман Виленович.

— Видео? — его трясло, и слова вылетали со слюной, смешивались в какую-то кашу. — Что вы говорите? Как вы могли снять видео?

— Это профессиональная тайна, Роман Виленович. Но чтобы предупредить новые упреки в бессердечии, скажу вам так. Представьте, что несколько популярных среди бомонда отелей оборудовали специальные номера с двусторонними зеркалами... Я ничего не утверждаю, заметьте. Предположим только как гипотезу. И когда на ресепшене появляется пара, вызывающая к себе интерес... или даже не пара, а просто импозантный мужчина, подчеркнута не обращающий внимания на случайно задержавшуюся у лифтов привлекательную женщину в темных очках... Вы улавливаете ситуацию?

— Какая мерзость, — сказал Шубейкин.

— Спрос рождает предложение.

— Чудовищный цинизм.

— За что, по-вашему, вы платите такие деньги, за прогулку нашего агента по парку?

Шубейкин ушел на минуту в горестное раздумье. Покой, основанный на лжи, на заблуждении... разумно ли было желать возвращения к прежнему состоянию? Праздное рассуждение.

— Как его зовут? — выныривая, спросил он.

— Ван Квандт. ДТ на конце.

— *Делириум тременс*, — машинально произнес Шубейкин.

Была у него такая особенность — вставлять в разговор ему одному понятные маленькие цитаты или арканские аллюзии, крылатые иностранные выражения.

— Что мне делать?

— Помилуйте, Роман Виленович. Это уже вам решать. Обратитесь к психологу, если нужна профессиональная помощь. Моя компетенция ограничена рамками расследования, успешно завершённого, и взаимодействия с клиентом.

— Взаимодействия с клиентом? Вы разбили мою жизнь, — сказал Шубейкин.

— У вас есть претензии к нашей работе?

Он встал, посмотрел в небо и в загадочные древесные кроны, широко взмахнул рукой.

— К миру! — вскричал он. — У меня есть претензии к мирозданию!

— Смотрите на это так, — сказала она. — Вы не испытывали бы сейчас такого отчаяния, если бы не были повергнуты в него с самых высот. Не каждому доводится в жизни хотя бы издалека узреть эти высоты, не то что их посетить. Вы же не только их достигли, но даже, будем честны, сможете еще долго пользоваться некоторыми их плодами, пусть и с разбитым сердцем. И, может быть, на ваш закат печальный...

Она надо мной смеется, цепенея от ужаса, подумал Шубейкин.

Он развернулся и, не слушая остаток цитаты, широко зашагал прочь. Обнаружил, что пальцы правой руки все еще стиснуты вокруг проклятой флешки, и засунул ее в карман.

— В конверте есть наша визитка, Роман Виленович, — крикнула она вдогонку. — Расскажите о нас друзьям.

— Сгинь, тварь, — пробормотал про себя Шубейкин. — Сгинь в той вонючей подворотне, из которой ты выползла.

Нет, определенно, крылось в ней что-то, напоминающее змею. Тот момент, когда она на секунду показалась ему привлекательной, был аберрацией, ничем иным.

Ромуальд Шубейкин женился на Алёне полгода назад. Она, едва девятнадцатилетняя, приехала покорять Москву с чемоданом на колесиках, содержащим ее футболки, одно цивильное платье и две пары туфель, одна из них мамина, хотя и почти неношенная. Он, пресс-секретарь министерства иностранных дел, был для нее небожителем и героем-олимпийцем. Она слала из инстаграма предложения дружбы звездам футбола, рэперам и диджеям; у него было четыреста тысяч подписчиков в фейсбуке. Встреча их состоялась в ресторане на модной крыше стеклянной высотки над рекой; Алёна танцевала последним теплым сентябрьским вечером под звездным небом в платье, не прикрывавшем ничего, что она не собиралась прикрывать; Шубейкин пил коньяк в совершенно другой компании за круглым столом, лишь случайно оказавшимся в центре чужого веселья. Если смотреть на ситуацию с эстетической и моральной высоты, назовите ее пошлой, но Шубейкин, тайный поклонник Пушкина, знал, что пошлость — смертная категория, неведомая безупречному абсолюту. Он бросал украдкой короткие взгляды на высокую гибкую блондинку, пляшущую языческий танец с воздетыми у небу руками и с неязыческой, античной грацией. Шубейкин, закоренелый холостяк и одиночка, боялся женщин. И в норме он никогда не решился бы не то что к ней подойти, а даже встретиться глазами. Но когда вместе с подругой та возвращалась из дамской комнаты и проходила мимо его стола, с чарующих губ слетела громкая фраза:

— Давай попросим Славика, чтобы взял что-нибудь покушать.

Подводный риф, о который разбиваются более крепкие корабли, неожиданно дал Шубейкину опору. Вульгарный, с назальным оттенком голос, свежий провинциальный говор и чудовищное «покушать» вдруг сделали ее доступной. К тому же она была голодна. Как потом выяснилось, часто буквально голодна и без денег для удовлетворения этой базовой потребности. Место секретарши, которое она нашла в

Москве, могло бы быть гораздо доходнее, если бы не жуткий, наводящий оторопь голос и акцент. О том, насколько близка она была к традиционному и уже почти не постыдному заработку привлекательных юных провинциалок в Москве, Шубейкин старался не думать. Все происходит по тайной неизбежности и в положенное время. Таким было и их знакомство, которое, возможно, спасло ее от худшей участи. Он сам не помнил, как встал из-за стола, отделился с необходимыми извинениями от своей компании и подошел к ней.

— Позвольте вас угостить, — произнес он легко, отважно, галантно, пошло, бесцеремонно, иначе говоря, в манере ему абсолютно чуждой и до того момента незнакомой. То ли коньяку была выпита точно необходимая мера, то ли вид этой девочки на время преобразил Шубейкина в светского льва; а скорее всего, и то, и другое. И пока они с подругой переглядывались и хихикали, Шубейкин инстинктивно нес ерунду, которая должна была произвести верное впечатление.

— Икра... здесь великолепная икра, белужья, разумеется, как вы предпочитаете, на блинчиках, в волованах, с перепелиным яйцом, с маслом, со сметаной? Под водку? Нет-нет, под шампанское, конечно, розовый брют, у сомелье осталось несколько бутылок «Дом Периньона», которые он держит для меня...

Эту часть было немного стыдно вспоминать, но, в конце концов, насколько постыдны средства, если они достигают цели? И он почти не скрывал, что хочет произвести впечатление; для начала своими деньгами, поскольку лучшие качества таились у него в душе, которая и для наблюдательного собеседника чаще всего — потемки, а что могли видеть эти девочки? Так пусть хотя бы видят его широкую манеру тратить деньги, и дорогой костюм, и вальжность обращения с официантами...

Главная жизненная трагедия Шубейкина до того момента заключалась в его неказистой, а по правде сказать, даже курьезной внешности. Он был природно склонен к полноте, а грубоватые черты лица и двойной подбородок не вязались с высоким интеллектуальным лбом. А больше всего он стеснялся с детства своих больших, навывкате, как у рыбы, глаз. Парадоксальным образом именно они принесли ему неожиданное, даже невероятное назначение, сделавшее его знаменитым. Дело в том, что выпученные глаза придавали лицу Шубейкина выражение доверчивой наивности и безупречной честности. Изучив и отвергнув несколько кандидатур на ключевой пост, министр лично вспомнил Шубейкина, который работал на скучной архивной должности и лишь по случайности за несколько дней до того делал для коллегии доклад об истории советской пропаганды в зарубежных СМИ. Доклад был точен, информативен, сжат и грамотно презентован; качества, которые Шубейкин за собой знал и которыми заслуженно гордился. Вызванный к министру, он был подробно допрошен, внимательно осмотрен, почти как на приеме у психиатра, и через несколько дней подвергнут долгим, утомительным, но, главное, успешным пробам на камеру. Его попросили заранее заготовить несколько текстов о принципиальности государственной внешней политики в отношении ряда горячих точек. Шубейкин, к собственному даже некоторому удивлению, выдержал испытание с честью. Помогли, быть может, годы трагического рассматривания себя в зеркале и репетирования самых простых человеческих взаимодействий. Даже общее невнятное уродство черт в интерпретации камеры работало на Шубейкина, придавая ему вид безобидный и вызывающий сочувствие. И теперь вот уже несколько лет он как минимум раз в неделю фигурировал в новостных трансляциях по стране и миру, мягко и веско транслируя официальную позицию министерства по всем текущим вопросам внешней политики; позицию иногда спорную или одиозную, чего Шубейкин, будучи честным перед собой, не мог в глубине души отрицать; и грубый, незаслуженно резкий выпад Ленор про сирийских детей оказался для него болезненным, как бы ловко он ни научился за годы на своем посту парировать острые вопросы журналистов. Однако как профессионал и патриот Шубейкин не подвергал сомнению жесткую, но принципиальную необходимость

своей работы. У Пушкина тоже был ответ клеветникам России. Мысль о Пушкине и о несравненном книжном собрании в своем домашнем кабинете в массивных антикварных шкафах грела Шубейкина всегда, в самые тяжелые рабочие минуты — на ковре у министра, под саркастичным допросом корреспондента Си-Эн-Эн и в те моменты, когда врать приходилось особенно вызывающе и непростительно. Пушкин был его опорой, оправданием и очищением от греха. Мысль эта была тайной; самое главное — тайной. Он не делился ею ни с кем, и даже гостям не показывал своего домашнего кабинета. К публичной фигуре Шубейкина можно было относиться как угодно, но за ней всегда маячил, осязаемый для него одного, частный и неуязвимый Шубейкин под протекцией Пушкина.

Как бы там ни было: фея куражной башни с лицом весталки, фигурой гетеры и голосом базарной торговки никакого Шубейкина знать не знала и в глаза никогда не видывала. Но она хорошо знала цвета и достоинства купюр ключевых мировых валют. Она была неделю в Париже в трехзвездочном отеле, по горящей путевке в Египте и однажды на Крите каталась на парусном катере, который владелец, мелкий бизнесмен из Самары, называл яхтой. Ее звали Алёна. С первого момента Шубейкин знал, что ему нужна она и только она; подруга, жаркая черноглазая штучка со спуганными лохмами черных цыганских кудрей не удостоилась и взгляда, даже когда он прикасался губами к длинной смуглой ладони. Алёна была достаточно умна, чтобы приспособить свой первый танец с ним под слоновью грацию партнера и чтобы ответить на его предложение встретиться еще — номером своего телефона. Через несколько месяцев они были женаты, и Шубейкин, человек просвещенный и светский, не испытал ни малейшего укола ревности, когда не нашел ее девственной. Напротив, это стало дополнительным поводом для гордости: она принадлежала другим, но была завоевана его решительностью, его напором и, по правде сказать, его пылкой, почти слепой любовью. Почти — потому что он не закрывал глаза на ее недостатки, но решительно вознамерился их победить силой любви и доступными ему ресурсами. Он нанял ей частного преподавателя для постановки речи и выправления акцента; и бывшего мидовца, специалиста по протоколу, для обучения светскому этикету. Как ни крути, а в качестве жены ей предстояло выходить в общество и бывать на одних мероприятиях с первыми людьми государства. Он тайно видел себя Пигмалионом, довольный, сидя, например, в своем кабинете в министерстве в огромном кожаном кресле для посетителей в расслабленную минуту, глядя в пространство перед собой с мечтательной улыбкой, потирая пальцами открытую ладонь. Он сводил жену в Театр оперетты на «Мою прекрасную леди»; она смеялась и хлопала, но если и заметила параллели с собственными жизненными обстоятельствами, ничего не сказала об этом. Она была с ним добра и приветлива; начала говорить «есть» вместо «кушать»; в ресторане разрезала бургер пополам, прежде чем поднять с тарелки, а если они были в компании, заказывала салат или рыбу; на официальные или увеселительные мероприятия она входила, обвив рукой его руку, могла поддержать светский разговор ни о чем, а когда он ловил издалека ее взгляд, бросала ему лучезарную улыбку. У них были отдельные спальни — Шубейкину это казалось правильным и более деликатным; в конце концов, он был крупным мужчиной с обычными для своего возраста и телосложения проблемами, — но на проявления его супружеского энтузиазма раз или два в неделю она отвечала ласково, пусть и без восторга. Он анонимно заказал в дорогом ателье школьную форму на ее размер, и она иногда передевалась по его застенчивой, жаркой просьбе.

И вот теперь — пожалуйста.

Ван Квандт.

Шубейкин не помнил никакого Ван Квандта. Но по работе он редко соприкасался с вопросами культуры. Что надлежало делать? Сцена ревности, выяснение отношений с Алёной были немислимы. С минуту он обдумывал безумный вариант: дуэль.

Отыскать паскудного голландца, похитителя его покоя, его счастья, его чести. Отвесить ему пощечину. Но что дальше? Стреляться им, очевидно, не позволят. А в рукопашном бою Шубейкин невысоко ценил свои шансы. Погибнуть от пули мерзавца — это было бы досадно, но красиво. Пострадать же лицом от его кулаков означало бы только усугубить унижение, да еще и потерять на время профессиональную пригодность.

Видео оказалось отвратительным.

Вечером, когда в холле хлопнула дверь, хмурый Шубейкин ходил по кабинету вдоль книжных шкафов и иногда поднимал руку, чтобы провести тыльной стороной пальцев по какому-нибудь из особо любимых антикварных корешков. Ни одна книга не прыгнула ему в руку. Он вышел в коридор на стук тяжелых лакированных туфель, отлетающих в стену. Так Алёна сбрасывала их, когда была в особенно хорошем настроении.

Увидев его, она раскинула руки в стороны и с радостным смехом сделала круговой пируэт на мысках.

— Нравится?

Шубейкин уставился на нее, не веря глазам. Вместо пышных вьющихся локонов, спадавших на плечи, — короткое каре с открытой шеей, на которой выбритые до колючей остроты щетинки волос были перекрашены в черный отлив. Вместо юной львицы перед ним крутилась на босых ногах девочка-подросток, лихая, легкая, и какая-то... незначительная.

В одно мгновение отдалившая ее от Шубейкина дистанция измены вытянулась телескопически еще в несколько раз.

— Что случилось? — нетвердым голосом спросил он.

— Ничего, ничего, ничего, — с насмешливой мрачностью пропела она в ответ на мотив из старого фильма, который накануне фоном шел по телевизору. — Сабля, пуля, штыки — все равно...

Ее голос поразил его мелодичной твердостью. Шубейкин в первый раз отчетливо осознал успех, блистательный успех ее полугодовых занятий, им же организованных и оплаченных. Как странно! Ему ни разу не приходило в голову, что исправляя ее провинциальный выговор, он лишает Алёну единственного изъяна, который делал ее доступной. Но почему такой чудовищной оказалась расплата за наивность, за доверие? Шубейкин привык доверять миру и таким образом выбивать оружие из враждебной руки... Теперь же получалось, что не все клинки можно отразить таким образом. Обломок наконечника, засевший в сердце, ныл невыносимо.

Алёна стояла посреди коридора, слегка расставив босые ноги, и смотрела на него с веселым изумлением.

— Что с тобой? — спросила она.

— На работе неприятности, — глухо ответил Шубейкин первое, что пришло в голову, глядя ей в ноги, не в силах избавиться воображение от непрошенных образов.

И накликал, как бывает в таких случаях. Наутро телефон — специальный, отдельный мобильник, который нельзя было отключать на ночь, — зазвонил вскоре после пяти. Новость еще не просочилась в интернет, и Шубейкина уже требовали в министерство для подготовки первого пресс-релиза. Осознание собственной важности, которое раньше тешило его в минуты трудностей, сегодня не помогало. *Неверную деву терзал армянин*, — безостановочно бормотал он себе под нос по дороге, пока не перехватил в зеркале заднего вида удивленный взгляд водителя. Шубейкин перестал шевелить губами вслед словам, но фраза не отпустила. *Не армянин, а голландец*, трагическим мысленным шепотом поправил он себя. И не терзал, а лобзал. Но и терзал, несомненно, тоже. И был бы он еще хоть молод, ничтожен, Алёнин ровесник, допустим. Это еще можно было бы в известном смысле принять...

В министерстве стоял дым коромыслом. В Австрии отравили Поплавского,

физика-ядерщика, отсидевшего половину срока за госизмену и высланного на Запад в обмен на кого-то своего из оплошавших. Огульные обвинения были неизбежны, ожидалось уже к середине дня. В пресс-центре три референта ломали перья. Шубейкин вялой рукой поднял со стола черновую распечатку, пробежал глазами.

— Узы, — машинально сказал он.

— Что *узы*? — нервно дернулся один из соавторов.

— У вас тут «нашу страну связывают с Австрией многовековые связи исторического родства». Пусть будут узы. Когда связи связывают, это белиберда.

Референт с недовольным урчанием защелкал мышкой, застучал по клавиатуре.

Шубейкин поднялся к себе. *Опасность, кровь, разврат, обман*, думал он, пока лифт нес его вверх; *суть узы страшного семейства*. В почте ждали подробности, фотографии отравленного в больнице: на нем использовали экзотический яд, от которого лицо Поплавского почернело и до неузнаваемости исказилось перманентной судорогой, открытый рот был скошен набок, один глаз... Шубейкин поспешно стер письмо. Не было никакой необходимости копировать ему все эти патологоанатомические детали, разве он следователь?

К восьми приехал министр и затребовал всех к себе. Шубейкин зачитал вслух готовый пресс-релиз.

— «Узы» поправьте на «связи», — сказал министр.

— Но тогда будет «связи связывают».

— Ну пусть объединяют, или хэ зэ. Узы — какое-то фраерское слово.

Шубейкин поймал ухмылку копирайтера. Откуда им с министром было знать, что «фраер» от немецкого «фрайхерр», то бишь «вольный господин», древний баронский титул! Самовластный злодей из-за безбрежного стола красного дерева окинул взглядом собравшуюся челядь и недовольно поморщился. Шубейкин чувствовал себя единственным фраером среди этой филистерской камарильи подлых, ничтожных людишек. Только теперь он осознал, что вместе с Пушкиным Алёна была до сих пор залогом и неотъемлемой частью, гарантией его тайной вольности. *Голландца гибель, смерть детей...* ноги дрожали, мысли путались; к счастью, министр продолжал что-то говорить, чего Шубейкин не слышал, как не разбирал почти и потока захлестнувших его мыслей, но если бы сейчас совещание распустили, пришлось бы встать, — то он бы, пожалуй, не устоял, ноги подломились бы, как от пули в живот... вот что, а не заговор ли все это? Голландец! Голландец: как Геккерн, этот мерзкий педераст... Будь сейчас в его, Шубейкина, распоряжении тот же сочащийся из глазниц яд, не предпрещена ли была б этим участь злодея?

И из всего омута полусознанных чувств и мыслей, от которых раскалывалась голова, оформилась и окрепла, наконец, отчетливая решимость: злосчастный Ван Квандт не на того напал. Он еще не знает, с кем связался. Пусть толст, нелеп, некрасив и немолод статский советник, но честью своей не поступится; драться за нее будет до последней капли чернил или крови, как придется; зубами, если понадобится; да, зубами порвет горло за Алёну.

И с мыслью этой как-то даже окрепли ноги и смелость ударила в голову. Вернувшись, небрежно освобожденный министром, в свой кабинет, он открыл сейф, достал оттуда бутылку пятидесятилетнего коньяка и осушил бокал. Приятно обожженное горло алчно запульсировало.

Брифинг начался гладко. Иностранцев посадили отдельно по левую руку; на их вопросы министр велел не отвечать.

— А этим, — сказал он, подразумевая своих, — хоть насы в глаза.

Шубейкин с достоинством чеканно зачитал заявление, почти не глядя в текст. Голос не дрогнул, не сбился ни разу.

— Был ли Поплавский врагом России? — выкрикнул из первого ряда знакомый журналист, как только разрешили вопросы.

— В России издревле принято прощать врагов, — гордо сказал Шубейкин и выразительно посмотрел в сторону иностранных корреспондентов. — Помните, у Пушкина: *они народной Немезиды не узрят гневного лица?*

Пусть переводчик попотеет.

Журналист криво, заговорщически ухмыльнулся Шубейкину и кивнул. В дальнейшем углу подпрыгнул, как черт из табакерки, другой, лохматый в очках, ранее в поле зрения не попадавший.

— Не мы ли яростно топтали, — громко поинтересовался он, — усердной местию горя, лихих изменников царя?

— Что? — растерянно переспросил Шубейкин, не ждавший такого.

— Вопрос от Александра Сергеича, — сказал лохматый и сел.

— Потрудитесь сформулировать яснее, — холодно и немного холодея произнес Шубейкин, чувствуя себя над пропастью.

— Уж куда яснее, — с места отозвался очкастый.

Найти ответ было делом чести. Пауза затягивалась, и со стороны иностранного контингента до подиума донеслась отчетливая вибрация злорадства.

— Если помните, — выдал он, — Пушкин советовал: как мысли черные к тебе придут, откупорить шампанского бутылку.

Кое-где зааплодировали; журналисты патриотических изданий, заметил Шубейкин — то есть скорее поддерживали наглость и двусмысленность комментария, чем оценили ораторское остроумие. Он покраснел.

Министру, однако, реплика понравилась; перед вечерним совещанием Шубейкин оказался с ним в приемной плечом к плечу, и министр, подмигнув, одобрительно ткнул его локтем в бок.

— Умолк и закрывает вежды, — спросил он с хохотком, — изменник русского царя?

Ромуальд Виленович тут вспомнил, что министр в прошлом профессорствовал на провинциальном филфаке и не чужд был музам — писал, кажется, дачные акварели и в паре с супругой исполнял гитарные романсы. В сотый раз Шубейкин пожалел, что некстати приплел Пушкина к скорбной теме своего брифинга, и ответил старому бурбону только болезненной улыбкой.

Поплавский, однако, хотя умолк и по факту склеил вежды, вопреки всем ожиданиям продолжал предсмертно тлеть на венской больничной койке. В результате, спекуляции на его судьбе и бездоказательные обвинения в адрес соотечественников оставались главной политической темой недели; летаргический новостной фон этому благоприятствовал. Для Шубейкина цепляющийся за жизнь физик означал рабочие выходные и вынужденную разлуку с Алёной, брошенной таким образом на волю трепещущих чувств.

Выскочив в субботу днем пообедать в ресторан соседнего с министерством отеля, Ромуальд Виленович был тут же замечен из дальнего угла послом Хоруняном, недавно отозванным в Москву для консультаций. Тот махнул Шубейкину бараньим ребрышком, подзывая за свой стол. Сидевшая напротив мадам Хорунян оторвалась от тонкого глянцевого журнала, который листала под аккомпанемент постукивающих ледяных кубиков в бокале апероля, очевидно не первом.

— Мы вас как раз вспоминали, Рома, — фамильярно, без приветствий сказала она, подавая руку для поцелуя. — Вот, смотрите.

Она отлистала журнал на несколько страниц назад. Шубейкин склонился над ее плечом.

— Ножки у нее — загляденье, — сказала мадам Хорунян.

На яркой, в полстраницы фотографии Шубейкин увидел Алёну в вызывающе дерзкой юбке, смеющуюся в лицо фотографу.

— Где это, не помню? — с деланным равнодушием спросил он, сглатывая сердце назад под ребра.

— Какой-то вернисаж, — сказала послица, пытаясь сфокусировать плывущий взгляд на мелком шрифте. — Юбилей Январского.

Горящий же взгляд Шубейкина был сфокусирован на лоснящемся под фотографической вспышкой широком мужественном лице Ван Квандта у Алёны за плечом.

— Ты при исполнении, Рома, или тебе можно? — с интуитивной релевантностью поинтересовался Хорунян.

Шубейкин, вопреки разуму, согласился на бокал коньяка. Он помнил приглашение на вернисаж Январского; помнил, что не смог пойти из-за арестованного на Бали хакера, выданного в США в обход всех юридических процедур. Алёна тогда сказала, что сходит с подругой. *Потаскушка*, в сердцах подумал он, впервые в мыслях оскорбив жену. Кровь запульсировала в ушах, и мочки налились румянцем. Хорунян пустился в какую-то сальную историю про знакомого английского лорда; Шубейкин периодически кивал, но думал о своем: что же это получается, она и на людях не боится с ним появляться? Этак же скоро начнут говорить... начнут исподтишка смеяться надо мной... А разве я не смешон, если на то пошло?

Он в ужасе уронил лицо в ладонь, тут же замаскировал это под жест усталости, сгреб в горсть подбородок, пряча искажившую рот гримасу, и поспешно схватил поднесенный официантом бокал.

Хорунян зорко проследил, как Шубейкин залпом выпил коньяк, и тут же предложил повторить. Ромуальд Виленович кивнул, ни о чем не заботясь, и почти не встревожился даже, когда ему показалось, что легкое удивление во взгляде посла сменяется глубоко затаенной искоркой азартного злорадства. Хорунян сделал козу из толстых волосатых пальцев и шевельнул ими в воздухе, указывая официанту одновременно на пустые круглые бокалы, высокий у жены и приземистый у Шубейкина. Перед ним самим тлела редкими пузырьками недопитая кола зеро.

— Санкций не боишься, Рома? — двусмысленно спросил он.

Расставаясь с Хоруньями, Шубейкин чувственно расцеловал обоих в жирные щеки. Выйдя на слабых ногах из тусклого прохладного заведения в предвечерний солярий августа, он болезненно сощурился и справедливо сообразил, что ему нужен небольшой моцион перед возвращением на работу. Свернув в переулок позади отеля, он занял отупевший мозг подсчетом шагов, тихо бормоча вслух: *двести девять, двести десять, двести одиннадцать...* Откинутой в сторону рукой он, как в детстве, вел по прутьям крашеной чугунной решетки. В сознании что-то шевельнулось. Ромуальд Виленович поднял глаза, осмотрелся и после минутного колебания двинулся в обратную сторону. *Двести двенадцать, двести тринадцать... или нет... двести десять, двести девять, двести восемь...*

Войдя в кованую калитку, он обогнул круглую клумбу. На крыльце церкви стоял знакомый в лицо батюшка, служивший прошлую пасхальную заутреню, которую министр обязал посетить все чины от заведующих отделами и выше.

Шубейкин, в быту человек нерелигиозный, приблизился к священнослужителю робко. Тот щурился вверх на солнце и на появление мирянина никак не отреагировал. Шубейкин остановился у нижней ступеньки в нерешительности, не имея, в общем-то, понятия, как правильно завести разговор.

— Батюшка, — сказал, наконец, он, чувствуя неловкость.

Поп обратил на него круглое бородатое лицо. Черные глаза показались Шубейкину чужими, недружелюбными, финикийскими. Почему финикийскими? Бог весть.

— Совета бы мне спросить, — объяснил Шубейкин с подхалимской интонацией, на которую сбился, вовсе того не желая.

Поп кивнул, но совершенно молча и с таким видом, словно мысли его были далеко.

— Жена мне изменяет, — сквозь зубы пробормотал Шубейкин.

Священник отвернул взгляд в сторону улицы, помолчал, потом сказал, не поворачивая головы:

— Отринь.

Шубейкин почему-то остолбенел.

— Как отринуть? — в изумлении переспросил он.

— Пока не поздно, — флегматично сказал батюшка. — С нечистой силой связался.

— Постойте, — сказал Шубейкин, от неожиданности переходя на светский тон. — Что же, если женщина однажды совершила ошибку, так в ней сразу нечистая сила?

Поп задумчиво склонил голову набок и сжал губы в тонкую линию, кривя уголок рта. Посмотрев в пространство над головой Шубейкина, он устало прикрыл глаза.

— И вселил к жене его диавол летучего змия на блуд, — изрек он без всякой особой интонации.

Шубейкин отшатнулся.

— Змия! — повторил он.

Батюшка едва заметно кивнул.

— Днесь отринь, — сказал он, развернулся и ушел в церковь, куда Шубейкину не пришлось в голову за ним последовать.

Еще подходя к министерству, он почувствовал приближение невзначайки. Спиртное на голодный желудок никогда для него добром не заканчивалось. Вместо своего этажа он поднялся на министерский, где в туалетах были изолированные кабинки. Как все тайные романтики, Шубейкин был необычайно стыдлив в вопросах интимного обихода. Фанерные дверцы и перегородки туалетных кабинок казались ему попранием законов мироздания.

В коридоре он наткнулся на Самого, огибавшего угол с казенным чемоданчиком в руке; министр чуть не сбил Шубейкина с ног, и тому пришлось отпрыгнуть в сторону, невольно дохнув коньячными парами и сверх того испортив воздух. Министр потянул носом и не преминул сделать реприманд.

Задержавшись на работе допоздна, вечером Шубейкин отыскал визитку, которую собирался выбросить, но не успел.

— Это Роман, — сказал он в телефон.

У нее играла какая-то этническая музыка, волюнки и свистки, черт знает что. Она убавила громкость.

— О розе?

Непроста, непроста была мерзавка. Вся ее напористая наивность казалась теперь очевидной позой. Как странно, что он сразу этого не понял!

— Роман Виленович, — понижая голос, объяснил он.

— Я узнала, не волнуйтесь.

— Могу я с вами встретиться? Сегодня, сейчас.

— Если вас устраивают ночные расценки, то почему нет.

— Ночные расценки? — нагло переспросил он. — Это звучит так, словно вы практикуете древнейшую профессию.

Она тихо расхохоталась в трубку.

— Ваши бонмо, Роман Виленович, не даром вошли в легенду.

— Можете не беспокоиться, я заплачу. Где вы живете?

— Неподалеку.

— Неподалеку откуда?

— Отовсюду.

— Я могу приехать к вам.

— Нет необходимости. Знаете этот милый ресторанчик с верандой на Кудринской площади? Я буду там через полчаса.

— Благодарю, — сказал Шубейкин.

Хотя от министерства до Кудринской было две минуты лёта по прямой, она оказалась на месте первой. Выходя из машины, Шубейкин тут же увидел ее длинную тонкую фигуру за редким плетением изгороди. В это время на всей веранде она была одна — вероятно потому, что после длительной жары вечер на исходе августа оказался прохладным предвестником осени. Ленор кутала плечи в тонкую шерстяную шаль.

Сев напротив, он вздрогнул и уставился ей в лицо. Глаза у нее были в темноте желтые, как у кошки.

Он покрутил указательным пальцем на уровне собственного глаза.

— Как вы это делаете?

Она прохладно улыбнулась и поднесла к губам бокал с темно-красной жидкостью.

— Нравится вам?

Платье ее под шалью было в этот раз цвета синей полночи. Шубейкин наклонился и несколько развязно заглянул под стол. Так и есть: из-под длинного подола выглядывали желтые тупли.

— Алёна стрижку сменила, — проговорил он горько. — Вы мне скажите как женщина: это из-за него? Это отторжение прошлого... отторжение меня... чтобы сначала все начать — с ним?

— Не стану вам лгать, Роман Виленович, — ответила она после легкой паузы, задумчиво глядя поверх его левого плеча и не опуская бокала на стол. — Смена прически в таких обстоятельствах ничего хорошего не сулит. Вы, как человек образованный, знаете несомненно, что это дело рук Азраила.

— Азраила? — с эмфатическим ударением повторил Шубейкин и уставился на нее.

Ленор кивнула.

— Азраил, с тех пор, как возлежал с Наамой, стал покровителем женских чар и ухищрений. Неужели вам об этом неизвестно?

— Вы так говорите, словно это исторический факт, — удивился Шубейкин.

Ленор посмотрела на него с ответным удивлением.

— Зачем, собственно, вы меня позвали? — спросила она, следя за пальцами официантки, с короткими ногтями без маникюра, пока та откручивала колпачок с бутылки «Сан-Пеллегрино».

Странно, как она все время управляла ситуацией к своему преимуществу, хотя Ромуальд Виленович себя считал стреляным воробьем. Сколько ей было лет? Он всмотрелся в ее лицо. Штука была в том, что возраст на нем нигде не просматривался. Шубейкин до сих пор не задавался этим вопросом; при первой встрече просто подумал, что молода. Ни усталой кожи под глазами, ни единой складки на шее... вот только никаких следов молодой свежести на этом лице тоже не было. Может быть, все дело заключалось в ее глазах, подсвеченных ненастоящим светом, не позволяющих заглянуть внутрь...

Он проводил глазами официантку, пригубил воду, которой не хотел, и наклонился ближе.

— Мне нужна ваша помощь, — понизив голос, произнес он. — Профессиональная. Я заплачу, разумеется.

Ленор кивнула чуть рассеянно, без очевидной заинтересованности.

— Ваши услуги ведь, — слегка встревожился Шубейкин, — не ограничиваются...

Он слегка махнул рукой, словно отсылая жестом к их прошлой транзакции.

Она покачала головой.

— Наши услуги не ограничиваются ничем, кроме фантазии и возможностей клиента.

Шубейкин собрал лежавшую на столе ладонь в кулак.

— Мои фантазии на его счет, — тихо сказал он, — неутолимы.

— Ван Квандт? — ровно спросила она.

— Ван Квандт, — подтвердил Шубейкин. — Я хочу знать о нем все... что может ему повредить.

— Даже если он безгрешен?

— Мысли читаете. Если он помогает больным детям, я хочу знать, скольких он растлил. Если подбирает на улице бездомных котят, как вживляет в них микрочипы с разведанными. Если ходит в церковь, когда планирует отравить купель со святой водой. Улавливаете?

— Ваше красноречие не уступает изобретательности, — подтвердила Ленор. — Надо полагать, ваши связи достаточны, чтобы добиться его высылки?

— Нон грата, — сказал Шубейкин и щелкнул пальцами в воздухе, попытавшись принять ледяной вид.

По правде сказать, он пока понятия не имел, как можно использовать компромат против голландца, даже если информация окажется у него в руках. Но, следуя совету Казановы, он решил в первую очередь действовать, а в остальном положиться на благоволение случая.

— Подумали ли вы, — спросила Ленор, рассматривая его с отстраненным, безличным любопытством, — что ваша жена вольна, если захочет, последовать за ним в горестную ссылку?

— Аннулировать паспорт и вовсе не проблема, — легко сказал Шубейкин.

— Алёнин паспорт? — переспросила она. — Но ведь это и вас вместе с ней сделает узником самой вольнодышащей страны. Куда вы повезете ее отдыхать? В здравницы Крыма?

— Нашли заботу, — с кривой улыбкой сказал он. — Я нигде не чувствую себя вольготнее, чем в своем кабинете, среди книг и образов прошлого.

Она коротко отстучала какой-то ритмический отрывок острыми ногтями по столу и сказала:

— Ну что ж. Вам виднее. Хотя помните, у Пушкина о том, что прошлое — как беременная шлюха: все ее имели, но никто не хочет признавать ответственность.

Шубейкин с достоинством выпрямился.

— У Пушкина нет ничего подобного, — сказал он.

— Значит, у другого писателя, — небрежно согласилась она. — Впрочем, безумных лет угасшее веселье. Та же, по сути, мысль.

— Вы, похоже, одну «Элегию» в школе и выучили, — недовольно сорвался Шубейкин. — Давайте оставим Пушкина в покое.

— Как скажете.

Они перешли к обсуждению коммерческой стороны дела. Обсуждать, по сути, было нечего; Шубейкину не пришло бы в голову торговаться. Ее расценки показались ему обнадеживающе высокими; затребуй она какую-нибудь мелочь, он, без сомнения, насторожился бы.

— Могу я вас подвезти? — спросил он, оглядываясь в поисках машины, сигнала зоркому шоферу.

— Благодарю, нет необходимости.

Шубейкин осмотрелся еще раз; официантки, разумеется, нигде не было видно. Он шлепнул на стол пятитысячную, подсунул под бутылку содовой — в пять раз, вероятно, больше, чем стоили их напитки. Поднялся уходить.

— Вы свяжетесь со мной? — спросил он ее.

— Не сомневайтесь.

По дороге домой он почувствовал странную неудовлетворенность. Сначала причина от него ускользала, и он стал с глухим раздражением копать в себе.

Кажется, дело было в нарушенных ожиданиях; невозмутимость желтоглазой ведьмы его слегка обескуражила — не к такой реакции он готовился. Ему хотелось встретить удивление, шок... благоговейный трепет даже... В конце концов, он, Шубейкин, — не какое-нибудь партикулярное лицо, а человек, причастный к великим и страшным государственным делам, с которых на него самого неизбежно сходит отпечаток привилегированной авантажности. Не какая-нибудь грязная интрижка, случившееся с ним, а возвышенное положением вовлеченных в разряд трагедии, где себя он видел не жалким бытовым рогоносцем, а карающим богом-отцом, грозным и справедливым, милосердным к одним и безжалостным к другим, по заслугам и достоинству каждого... и по его решению одних будет ждать горькое, слезное, но счастливое в конечном итоге искупление, а других — наказание столь же неумолимое, сколь неожиданное...

Как это она, впрочем, сказала? Что их услуги не ограничены ничем, кроме... Ничем! Намек ли был в этом? А если, может быть, его витиеватое изощренное византийство ей показалось только фиглярской полумерой? Она-то уж всякое, всякое видала... И точно! Шубейкин стыдливо прикрыл глаза и издал звук мучительного самооткрытия в темноте машины, на заднем сиденье из бежевой телячьей кожи. Убить! Убить! Конечно, вот на что намекала. Куда Алёна не сможет последовать за голландцем, в какую ссылку? В наидальнейшую из всех, откуда нет возврата. И нет нужды в махинациях с паспортом, в унижительной возне, утомительной компрометации с помощью служебного положения... Все это лишнее, лишнее. Не так оперирует карающая длань. А ведь у нее и опыт наверняка есть, дьявол ее знает, к каким делам причастна. Услуги не ограничены! Дипломат? Что с того! Вот Поплавский, например, тоже считал себя неуязвимым под защитой чужого государства...

Ромуальду Виленовичу стало нехорошо от этих мыслей. С трудом вылез он из машины, коротко и глухо кинул «позвоню» в ответ на вопрос шофера, когда завтра подавать, на подгибающихся ногах под взглядом улыбчивого консьержа преодолел три ступеньки и погрузился в услужливую кабину лифта. Беззвучно и невесомо вознесся вверх, словно устройство работало пневматически, а не на тросах. Взлет этот образовал в уме неожиданную параллельность с его недавними олимпийскими фантазиями о всемогуществе. Шубейкин проник в квартиру, чувствуя себя туманной эманацией сомнительного медиума. Из гостиной мерцало тусклое инопланетное сияние, гремела музыка. Он скинул штiblеты в голубоватом сумраке, и когда вторая стукнула каблук об пол, под потолком вспыхнул свет, прыгнул в зеркало и оттуда отражением хлестнул наотмашь в лицо. Алёна стояла со своей новой непривычной еще детской прической, с бесхитростной улыбкой на открытом лице, одной рукой держась за кактусовую ветку пустой летней вешалки, во второй поднимая листок бумаги с неровным текстом, написанным от руки, очевидно довольная чем-то.

— Какие у тебя странные друзья, Рома, — крикнула она поверх музыки.

— У меня нет друзей, — машинально возразил Шубейкин.

— Ну люди, которые тебе звонят, — нетерпеливо поправила Алёна. — Вот, послушай.

Она повернула листок текстом к себе и громко продекламировала с потешным выражением, словно со сцены в школе:

— *И как стихи я слышал... и Бога на смотрил... совсем как колдованные, я без движенья был.*

Шубейкин окаменел.

— Он сказал, что ты поймешь, — засмеялась Алёна. — Ты понял что-нибудь?

— Невозможно, — шепнул он непослушными губами.

— Я его исправляла, а он все время настаивал: нет, именно так, — веселясь, объясняла она.

— Таргум, — сказал Шубейкин.

Алёна расхохоталась, подходя к нему и опуская руку ему на плечо, кладя на другое плечо подбородок, прижимаясь к нему тонким гибким телом.

— Ты сам такой же, — сказала она. — На, смотри.

Она повернулась боком, обвивая рукой его шею, повисая на нем и показывая ему записку.

— Что это значит?

Шубейкин проследил трясущимся пальцем ее кривые строчки и подписанную внизу экзотическую фамилию звонившего.

— «Таргум», — повторил он. — Редчайшая, редчайшая книга. Немыслимо. Даже не мечтал никогда.

— Обо мне ты тоже не мечтал, — заметила Алёна и, вложив записку ему в руку, протанцевала в гостиную. — А я есть! — звонко крикнула она оттуда.

Он прошел за ней, невидящим взглядом фиксируя циферблат на запястье, встряхивая рукой и всматриваясь снова, тупо соображая, удобно ли еще звонить. Было около полуночи.

В кармане пиджака звякнул телефон. Он несколько раз перечитал сообщение, прежде чем до него дошел смысл: Поплавский умер; умер еще накануне; австрийцы дождалась вскрытия, прежде чем объявить. *Туда и дорога*, машинально подумал Ромуальд Виленович, как тут же свалилась новая и предсказуемая весть.

— Твою мать, — прозаично вырвалось у него.

Проигрыватель сменил композицию на что-то относительно тихое и мелодичное. Алёна с закрытыми глазами воздела руки над головой, извиваясь по-змеиному в обтягивающем синем платье, вскидывая плечо и прижимаясь к нему щекой.

— Завтра к шести на работу, — сказал Шубейкин в пространство.

— Ммм. На весь день? — спросила она, не открывая глаз.

— Хорошо, если не на ночь, — утрировал он.

— Жа-а-а-аль, — пропела она под музыку. — Мне нереа-а-а-ально жа-а-аль... Меня позвали завтра играть в гольф.

— Кто? — поинтересовался он после паузы.

Она открыла глаза и улыбнулась по-кошачьи, не переставая покачиваться в танце, как колдовская змея перед зачарованным факиром.

— Так, одна компания. Знакомые. Ты ревнуешь?

Она подтанцевала ближе. Шубейкин глупо покраснел.

— Хочешь?

Он помотал головой.

— Не сегодня. Плохо себя чувствую что-то.

Наутро его лихорадило. Под звонок будильника он вырвался с тяжелой головой, опухшими глазами и учащенным дыханием из объятий тяжелого, неприятного, но затягивающего сна. Встать, казалось, не было никакой возможности. Сон тут же забылся, оставив ощущение затянутой паутиной тесноты, в которой нужно было от кого-то прятаться. Выпив горького кофе, он заглянул к Алёне, которая спала миловидно и трогательно, почти поперек кровати, свесив через край тонкий локоть, подложив ладонь под щеку. Какая-то игла кольнула в мозг: Шубейкину вдруг вздумалось, что он видит ее в последний раз — розовую нежную щеку, чуть приоткрытые губы, загнутые вверх кончики ресниц и особенно почему-то маленький детский нос, напомнивший что-то из детства, из школы, наклоняющуюся над тетрадь соседку по парте, за которой он тайно наблюдает в профиль... *Я вас любил...* Нет, это стихотворение, единственное у Пушкина, казалось ему не дотягивающим до совершенства, каким-то поверхностным, не проникающим в самую суть чувства. *Любимой быть другим?* Дудки! И что за вздор эти роковые предчувствия, почему в последний раз? Просто болит голова, а предчувствие кольнуло бы, несомненно, в сердце... *а впрочем, у меня нет сердца...* На ум лезла какая-то ерунда.

На работе он связал свое недомогание сначала с ранним подъемом — никогда этого не любил; потом с переутомлением; наконец, с перевозбуждением. Телефон книжного магазина не отвечал, как и не мог отвечать в воскресенье, в конце концов. Это означало, что «Таргума» нужно ждать как минимум до завтра, а там еще неизвестно — вдруг и нет никакого «Таргума», просто шутка, дразнилка либо туманная перспектива, а страшнее всего — если уже кто-то перехватил, другой коллекционер, а то и Ленинка. Почему старый дурак не позвонил накануне ему на мобильный?

Попутно Шубейкина терзала мысль о давешней насмешливой снисходительности черной ведьмы, намекавшей ему, что кружным путем он взялся идти к своей цели. Вот, скажем, Поплавский, тоже перебежавший кое-кому дорогу: мертв, и не просто мертв, а основательно наказан неделями агонии, которая наверняка не показалась ни на минуту короче, чем нужно. Что там сказал австрийский мидовец? Сжиженные внутренности? Вот уж формула не для международных пресс-релизов. С какой целью это нужно было уточнять? Жалость к падшим? Шубейкин помотал головой, отгоняя наваждение.

До вечера Шубейкин профессионально отрицал, протестовал и негодовал. Выступления, однако, давались ему с трудом. Привычное и очень персональное чувство оскорбленной невинности, которое он всегда вкладывал в работу, не получалось нащупать; и неудивительно, потому что молотком по мозжечку все время стучала болезненно одна фраза: *захочу — и убью*. Вопросы иностранных журналистов в такой ситуации не возмущали. *Каким ядом был отравлен Поплавский? Ах, кабы знать. Верно ли, что производится только у вас? Откуда такая информация? Поможете ли семье Поплавского?* Мы своих не бросаем.

Министр, весь день отсиживавшийся на даче, вечером нагрязнул и созвал совещание. Косо взглянув на пресс-секретаря, бросил ему сухо через ледяную гладь стола:

— Слабовато.

У Романа Виленовича и без того кровь стучала в ушах; под дополнительным ее приливом запульсировал извивающимся червячком какой-то сосуд в мозгу, и Шубейкин тут же на месте ожидал апоплексии; поклялся себе, что, если выживет, откажется от кофе, сахара, мучного и алкоголя, станет пить таблетки. Зрение помутилось; он не мог читать документы, перед глазами все расплывалось. Министр задал вопрос по пункту обсуждавшегося коммюнике, и толстый палец Шубейкина беспомощно забегал по трюфельной стружке шифрующихся строк. Министр заорал нецензурное.

Когда он вернулся, Алёны еще не было. Он всхлипнул, повалившись в постель, написал в телефоне *Ты где?* — и уснул, не дождавшись ответа.

Утром проснулся в панике, протопал босиком в ее комнату и убедился в правдивости ночного кошмара: постель была неразобрана, несмята.

Телефон не отвечал.

Он вызвал машину и дал шоферу адрес книжного магазина на задворках между Тверской и Патриаршими. Магазин этот знали все, кому нужно было знать, и больше никто. В узком витринном окне никчемные теологические фолианты девятнадцатого века были те же, что и всегда, так же покрыты пылью, археологически более ценной, чем они сами. Тяжелая дверь поддавалась Шубейкину со второй попытки; на секунду он подумал даже, что магазин еще закрыт. Нигде не было ни вывески, ни расписания.

— Извините, что без звонка, — сказал он.

Худощавый высокий старик, владелец и единственный продавец, поднялся из-за стола в углу напротив двери. На столе не было ничего, кроме развернутой цветной газеты: ни компьютера, ни телефона, ни, на худой конец, какой-нибудь бухгалтерской книги. *Если продинамил с «Таргумом», пришлю к нему налоговую*, кисло подумал Шубейкин, не веривший на самом деле в счастливую находку.

— Всегда рад, — откликнулся старик и посмотрел на часы. — А сегодня ожидал. У Романа Виленовича екнуло в груди.

— Ваш звонок... — начал он и осекся.

Старик закивал.

— На мобильный не рискнул: знаю, что вы заняты в эти дни.

Шубейкин метнул взгляд на газету, но разворот не содержал ничего знакомого.

— «Таргум», — дрожа, произнес он. — Скажите, Игнат Фердинандович, что вы нашли для меня «Таргум».

— К тому же добавочное удовольствие поговорить с вашей очаровательной супругой, — продолжил старик, никуда не торопясь и намеренно, кажется, дразня нетерпеливого библиофила. Подняв со стола газету, он развернул ее к Шубейкину раскрытой страницей. Газета оказалась желтым бульварным вестником светских скандалов и сплетен. *Вот тоже интеллеktуал*, с горьким презрением подумал Шубейкин; *а пришло к нему налоговую все равно*. В центре разворота на плохо отретушированной фотографии он к своему облегчению увидел Алёну не танцующей в каком-нибудь кабаке в обнимку с Ван Квандтом, а снятую цивилизно по пояс и в профиль, беседующую спокойно с министром на одном из недавних приемов. За ней на заднем плане маячило его собственное пучеглазое лицо, нелестно получившееся. Он напряг зрение и сморгнул, читая подпись: *Алёна Шубейкина гораздо красивее своего мужа. Возможно, министр обдумывает очевидную штатную рокировку*. Перед глазами опять поплыло.

— Вы нашли для меня «Таргум»? — глухо повторил он.

— Для вас или нет, еще неизвестно, — без вызова сказал старик. — Желающих много. Хотя не скрою, вам позвонил первому.

— Ценю, — пробормотал Шубейкин, не трудясь имитировать искренность.

— Стало быть, мое небольшое зашифрованное послание вас не обескуражило? — с простодушным лукавством поинтересовался хозяин.

— Что ж там зашифрованного, — слабо усмехнувшись, не удержался он от чуть хвастливого доказательства своей эрудиции. — «Финляндия» Борро, дословно, как сочинена на его корявом русском.

— Верно, верно, — согласился старик. — Что ж, кто еще достоин этой книги, как не вы.

Он почему-то вздохнул и мгновение поколебался, после чего сел в кресло, открыл ящик стола и извлек оттуда пергаментный сверток. Аккуратно развернув плотные матовые листы, он поднял глаза на Ромуальда Виленовича и открытой ладонью указал на содержимое.

Перед ним на столе лежала тонкая книжка, скорее даже брошюра, формата октаво. Потрепанная и потемневшая от времени обложка выглядела подлинной. Шубейкин склонился низко над столом. Он прекрасно понимал, что с книгами такой редкости нельзя исключить подделку.

— Тираж около сотни экземпляров, — не своим голосом произнес Ромуальд Виленович и приподнял взгляд на продавца.

— Этот экземпляр раритетнее, чем один из ста, — сказал тот. — Единственный. Собственный экземпляр поэта.

Шубейкин сглотнул так судорожно, что чуть не проглотил кадык.

— Не может быть, — выпрямился он.

Старик кивнул.

— Тот самый экземпляр, который Борро накануне отъезда из России занес Александру Сергеевичу на Дворцовую набережную, в дом Баташёва.

— И не застал его, — Шубейкин перевел взгляд с продавца на книгу и обратно. Лицо его было непроизвольно искривлено чувством. — Но чем может быть подтверждена подлинность?

Старик протянул длинный, желтый от никотина указательный палец и кончиком ногтя приподнял и перевернул обложку. Титульный лист был знаком Ромуальду Виленовичу по фотокопиям. «Таргум, или метрические переводы с тридцати языков и диалектов, выполненные Джорджем Борро». Далее — эпитафия из персидской поэмы: «Вран воспарил к жилищу соловья». Напечатано в Санкт-Петербурге, в типографии Шульца и Бенце в 1835 году. Все это было в точности как ожидалось. Но на противоположном форзаце от руки выцветшими серыми чернилами стояла приписка, сделанная по-английски высокими зауженными буквами, разборчиво, но не вполне ровно, словно писано было на весу: «Русскому соловью от восторженного почитателя, Джордж Борро, 24 сентября 1835 года».

— Но помилуйте, — лихорадочно пробормотал Шубейкин, зажимая кулак правой руки в левой ладони, словно уберегая себя из последних сил от прикосновения к реликвии. — Мне казалось, что личный экземпляр хранится в Пушкинском доме.

— В Пушкинском доме, если помните, — мягко возразил старик, — по утверждению академика Алексеева, хранится переплетенный в неизвестное время экземпляр, объединяющий под одной обложкой «Таргум» и «Талисман». Оба без дарственных надписей. Если мы готовы принять автограф Борро как подлинный, — он указал пальцем, не дотрагиваясь до книги, — а почерк совпадает, я проверял по «Емеледураку»; остается предположить, что переплетенная копия «Таргума» была приобретена отдельно и позднее; возможно даже, не самим Пушкиным. Это, очевидно, — указательный палец оставался неколебим, — тот экземпляр, который поэт держал в руках.

— И получение которого подтвердил в письме к Борро, — прошептал Шубейкин, не вполне уверенный, что не спит.

— Именно так, — согласился старик, сохраняя полную бесстрастность и не проявляя ни малейших признаков самодовольства, которое подобная находка сделала бы миллион раз простительным.

— Но в таком случае этой книге нет цены, — сказал Ромуальд Виленович в тихом отчаянии.

Старик пожал плечами.

— По счастью или несчастью для вас, — отозвался он, — цена есть.

— Назовите! — вскричал Шубейкин.

— Десять миллионов, — сказал старик.

— Рублей?

— Центробанковских; не имперских.

Шубейкин перевел дыхание. Сумма была доступной для него; для подобного раритета — фантастически низкой.

— Но почему? — сдавленно спросил он. — Вы могли бы запросить в десять раз больше... могли выставить на аукцион...

Разум требовал от него осторожности, но он не верил на самом деле в версию подделки. Во-первых, давно зная хозяина магазина, он считал его неспособным на жульничество по причине равнодушия к деньгам и снобского отвращения к вульгарности; во-вторых, развитым инстинктом коллекционера Шубейкин чувствовал вокруг книги ауру подлинности.

— А вот почему, — едва заметно повысив голос, сказал старик. — Должен вас предупредить. Борро не за плясками и романсами ездил к цыганам в Марьину Рошу.

На лице Шубейкина забрезжила первая легкая улыбка, когда он начал верить, что «Таргум» будет принадлежать ему.

— А зачем же? — спросил он.

Старик отвел взгляд куда-то вверх.

— Опасный народ, — сказал он вместо ответа. — Помните «не к добру» упавшее кольцо, погасшую свечу? Не прошли Александру Сергеичу даром ночные гуляния с Татьяной-пьяной.

— К чему вы клоните? — не теряя улыбки, упорствовал в непонимании Шубейкин.

Старик снова указал пальцем на «Таргум», лежавший в обрамлении пергаментных листов.

— Я в этих вещах кое-что понимаю, — сказал он. — Книга продается на страх и риск покупателя. Для себя принял меры предосторожности, но срок их надежного действия ограничен. В ближайшие несколько дней я должен от сего антикварного раритета избавиться.

— Вы намекаете, что Борро, любитель и собиратель цыганского фольклора, наложил на книгу...

— Не он, не он, — прервал старик. — Он был только посланником. От Демьяновой или от другой, кто теперь знает? Впрочем, есть сделанная незадолго до смерти фотография Демьяновой, у нее чернейшие глаза, какие я встречал. Вы, вероятно, не видите ауры на фотографиях?

Он посмотрел на Ромуальда Виленовича выжидательно. Тот, принявший сначала вопрос за риторический, с легким смущением покачал головой.

Старик кивнул.

— Борро не делал никаких попыток встретиться с поэтом до визита в Марьину Рошу, после которого, вернувшись в Петербург, немедленно посетил Пушкина и на следующий день был таков. Почему? — он вскинул мохнатые брови. — То был конец сентября тридцать пятого. Где-то той же осенью, как мы знаем, Наталья Николавна, никогда прежде не дававшая повода себя упрекнуть, попала в поле зрения младшего Геккерна.

— Полноте, — сказал с усмешкой Ромуальд Виленович. — Я слышал о вашем интересе к... арканным наукам и уважаю любое увлечение собрата по библиофилии, но...

— Под каким номером «Таргум» занесен в реестр Модзалевского? — тихо спросил старик.

Шубейкин пожал плечами.

— Помилуйте, кто же такое помнит?

— Шестьсот шестьдесят шесть, — сказал старик.

Шубейкин вскинул руки и улыбнулся шире.

— А знаете, что я помню? — весело сменил он тему. — Меня всегда это забавляло. Верно ли, что Борро в «Чёрной шали» принял младую гречанку за имя собственное и в английском переводе назвал ее Грешенкой?

— Вы предупреждены, — сухо сказал старик. — Коли уверены, то книга ваша.

Ромуальд Виленович тут же на месте позвонил в банк и организовал перевод необходимой суммы на счет, номер которого продавец твердыми цифрами записал на желтом отрывном листке. В машине по дороге на работу его трясло. Пергаментный сверток лежал на коленях; он развернул бумагу, достал книгу немеющими пальцами, раскрыл невесомым движением, едва касаясь сухих, истонченных временем страниц. Строчки плыли перед глазами, буквы сыпались и смешивались. Борро был, конечно, графоман; да, вот она, несчастная Грешенка; Шубейкин попытался остановить дрожание рук, чтобы разобрать контекст, не смог и откинул голову назад, опустил веки, переживая мутную вьюгу в мыслях. Книгу, лежавшую перед ним, держал когда-то Пушкин; тоже наверняка с любопытством вглядывался в строки, свои, но незнакомые — с польщенным ли удовольствием? с досадой? заметил ли переводческий ляп? Книгу, во всяком случае, сохранил — и теперь она принадлежит ему, Шубейкину. Он переживал момент мистического единения со своим поэтом. Правые колеса одно за другим ухнули в выбоину асфальта — дороги нынче мостили не лучше, чем при Палкине, — и сановник отчетливо услышал скрип рессоры, подпрыгнул с непривычки и чувствительно стукнулся задом о жестковатое сиденье, ударился плечом в тонко обитую деревянную стенку, — и, выпучившись от изумления, увидел на секунду перед

собой незнакомое женское лицо, молодое, миловидное, тонкое, а все же негармоничное в чем-то, словно неверно и грубовато слепленное, один глаз больше другого, из-за чего выражение было трудно определить. Более же странным показалось не это, а то, что обрамляли лицо витые кудри и ленты решительно несовременной, нездешней шляпки; все это было вызывающе картинным и осязаемо реальным, отчего довольно неприятным. Далее, при виде лица мысли на краткое мгновение тоже стали чужими, — пронеслись, впрочем, так мимолетно, что, вернувшись тут же к здравому сознанию, Шубейкин сохранил от них лишь спутанный след, как бывает с образами из сновидений: ухватить возможно только ощущение, не облачаемое в слова, беспокойное, давящее на грудь и прерывающее дыхание своей тревожностью, словно смыкался вокруг мечущихся мыслей и вне их контроля какой-то капкан. Мысли его потеряли связность, как только исчезло наваждение, но можно было понять, что касались они и этих глаз напротив, и других еще глаз мрачнее ночи — избитый образ, а иначе не скажешь, тем более, что «очи» напрашиваются в рифму сами собой, — и вообще непрошенной темноты, которая набивалась в спутники незаметно, под видом легкой вольности, и только потом стучалась до полной непроницаемости, когда уже поздно было протестовать.

Шубейкин вылез из машины, и мостовая качнулась под ногами. Кривя лицо, закинул назад голову, чтобы охватить взглядом громаду министерства, в прошлом — оплот его мирского самолюбия. *Не кинуть ли все к чертовой матери*, подумал он. Он поставил портфель на черный багажник, благоговейно вкладывая в самое надежное отделение пергаментный сверток.

— Можно с вами сфотографироваться? — раздалось сзади на высокой, почти истерической ноте, в сопровождении бессмысленного смеха. Две провинциалки в желтых вязаных кофтах. По инструкции он должен был покинуть машину в подземном гараже; но простительное тщеславие невинного эксгибиционизма влекло его к публичности, к контакту с народом, как он это называл. Шофер об этом хорошо знал, и давно между ними установилась почти негласная договоренность, что Шубейкин покидает машину у кромки Садового, совсем как младший школьник, доставленный в учебное заведение на отцовской машине, и идет через площадь к высоким дверям министерства один, быстро раскланиваясь узнающим его прохожим, отвечая улыбкой на улыбку, изредка вступая в краткий разговор с особенно привлекательным представителем публики. Сначала он ожидал, что шофер, в обязанности которого входила и охрана, будет сопровождать его, и даже был несколько уязвлен равнодушием. С другой стороны, что могло случиться с ним, Шубейкиным, на протяжении этих двадцати метров?

Он судорожно улыбнулся желтым кофтам. Только этого сегодня не хватало. Они же, встретив его покладистость, расположены были воспользоваться ею до конца. Произошла абсурдная маленькая сцена, в ходе которой японский турист был завербован для создания волнующего снимка; результат, однако, не устроил одну из желтых кофт, которая попыталась объяснить японцу, что снимать ее лицо следует с чуть более высокого ракурса в силу анатомических особенностей подбородка; увы, японец к тому времени уже сам узнал Шубейкина (выступавшего недавно принципиально и жестко по сахалинскому вопросу) и начал что-то громко объяснять невозмутимой туристической группе человек на тридцать, к которой сам принадлежал. Желтые кофты потеснили. Шубейкин на секунду испугался нападения, но японцы тоже, как выяснилось, хотели получить мemento. К тому времени, как вмешался шофер, Ромуальд Виленович был заключен в плотное кольцо туристов, выпутаться из которого оказалось не так просто. Каждый второй японец снимал видео, куда попали и желтые кофты, и стиснувший зубы старый гэбэшник, и драгоценный портфель, прижатый к шубейкинской груди мертвой хваткой.

— Все гарцуешь, Рома? — спросил у лифта Хоруниан с улыбкой почти неприкрытого злорадства.

Лицо Шубейкина было в поту, руки, все еще машинально прижимавшие к груди портфель, дрожали. В кабинете он достал из сейфа коньяк и плеснул в бокал несколько больше, чем рассчитывал. Стекло звякнуло о зубы. Только теперь он вспомнил, что Алёна не ночевала дома и с утра не выходила на связь. «Таргум» все затмил. Трясущимся, несмотря на коньяк, пальцем он ткнул в телефон. Эфир ответил залпом «Рамштайна», прокатившимся от виска до виска, как высоковольтный разряд; Ромуальд Виленович пугливо отстранил девайс подальше от уха. Раньше Алёна ставила на ожидание соединения проникновенную романтическую лабуду. После нескольких барабанных очередей по нервной системе канонаду разорвал ее нежный голос.

— Ты волновался? Ромочка, я такая дура. Простишь меня?

— Ты где? — сдавленно спросил он.

— Вечером после гольфа начался такой плотный тусняк, я просто не смогла вырваться! Меня не отпускали. Совсем чуть-чуть выпила, мне сняли номер в кантри-клубе, а к утру телефон разрядился, ну как обычно...

— Кто снял тебе номер? — спросил Шубейкин.

— Ну я сама сняла, Ромочка, кто же еще?

Ее кредитка была привязана к его счету, и все банковские оповещения приходили ему на телефон. Алёна, вероятно, подумала о том же.

— У меня с собой оказалась какая-то пачка наличных, бог знает откуда...

— Где ты? — прервал Шубейкин очевидную ложь.

— Дома, Ромик. Я дома. Ну то есть я вышла позавтракать в «Троекурове».

— Ты сейчас там?

— Ну да, я же говорю тебе...

— Не уходи, я за тобой приеду.

Она даже не сочла нужным позвонить ему с утра. Его рубашка внезапно оказалась абсолютно мокрой, но теперь это был холодный пот страха. Коли она так мало беспокоится о его реакции, очевидно, что она не рассчитывает долго от него зависеть. Надо было во вторую встречу с Ленор поручить ей разговор с Алёной. Она бы объяснила то, что был не в силах произнести сам: он готов на все, чтобы ее сохранить. На все.

Налил еще коньяку, опрокинул залпом и вышел.

В коридоре кто-то попытался обратиться к нему, но Шубейкин только взмахнул рукой, широким отгоняющим жестом, и кажется, задел говорившего по лицу. Он плохо видел.

— Машину. Подавай машину, — с одышкой сказал он в телефон шоферу.

Они выехали из гаража под стену проливного дождя. Лето кончилось, прозаично подумал Шубейкин, надеясь в банальности найти временное прибежище от невозможного. Шофер досадливо цокнул языком, указывая в навигатор. Шубейкин сощурился, но не смог разглядеть, что там — вероятно, пробки.

— Полети, как на крыльях, Фёдор Иванович, — просительно выдал он.

Шофер удивленно обернулся на мгновение.

— Все в порядке?

Какой уж там.

— Устал, — сказал Шубейкин.

Бросить все. Зачем ему вечная публичность? У него было достаточно времени, чтобы потешить самолюбие — а ведь он и на минуту славы никогда не рассчитывал. И заработано немало — денег, престижа. Давно не камер-юнкер, уж как-нибудь не пропадет. Пора, пора посвятить себя духовному росту. Для насущного же рубля можно

поискать тихой работы в администрации, в аппарате правительства. А то и в банковском секторе — даже лучше, пожалуй. Осталось только голландца отсортировать к праотцам.

Все это проносилось у него в голове почти помимо сознания — не мысли, а так, шелушение прокаженного рассудка.

— Поплавский, — сказал он вслух. — Чем его могли отравить?

— Кто ж знает? — после паузы ответил шофер.

— Так, что кишки разъело, — опустошенным голосом продолжал Шубейкин. — Наши отравили?

Взгляд шофера, лишенный выражения, надолго задержался в зеркале заднего вида.

Шубейкин наклонился вперед и, уставившись в кожаную спинку сиденья перед собой, жарко шепнул:

— Яду мне достань, Фёдор Иванович. За любые деньги.

Они мучительно поворачивали в машинной давке на Новый Арбат.

— Зря вы так с утра, Роман Виленович, — сказал шофер, наклоняясь вперед к залитому стеклу, на миллиметр огибая бампер нервного придурка, пытавшегося перестроиться влево. — Особенно если на пустой желудок.

Или куплю пистолет, подумал Шубейкин.

Он смаргивал все время, силясь понять, что мешает зрению — то ли пелена воды снаружи, то ли что-то, набежавшее на глаза.

— Возьмите в «Троекурове» глазунью из трех яиц и томатного сока, — посоветовал шофер. — С табаско обязательно.

В полумраке ресторана Шубейкин сразу потерял ориентацию, хотя бывал здесь чуть ли не еженедельно; споткнулся о ступеньку при входе в зал и чуть не растянулся, взмахнул портфелем, восстанавливая равновесие, и опрокинул на ближайшем столике тонкую хрустальную вазу с высокой шелковистой розой персикового цвета. К счастью, его узнали, и вежливый остроносый официант в черном фартуке повел в глубину заведения, то и дело осторожно оглядываясь, присматривая за гостем. *Что со мной не так?* подумал Шубейкин. Официант слегка откинул руку в сторону, указывая на угловой столик, за которым сидела Алёна. Она улыбнулась ему нервно.

— Счет принесите, — отрывисто сказал он.

— Ты почему с работы уехал? — спросила Алёна, двигаясь на кожаном диване, уступая ему край. Он сел или упал, стол подпрыгнул.

Счет появился молниеносно, Шубейкин поднес его близко к глазам. Крокеты, икра, шампанское. *Количество гостей: 2.* Он расплатился.

У выхода их догнал официант, протянувший забытый портфель с «Таргумом»; Ромуальд Виленович вырвал его и прижал к груди, словно портфель пытались не вернуть, а отнять. Его мучила одышка, голову застилал дурман, но при этом странным образом он словно видел — впервые — как странно они должны выглядеть со стороны: он, грузный, одутловатый, коротко ступающий; и длинная жена, семенящая за ним на десятисантиметровых каблуках. Он не помнил, как оказался дома в лифте, хотя, видимо, помог шофер, кинувший на Алёну последний вопросительный взгляд, пока закрывались двери; она сделала ладонью незаметный отрицательный жест, который Шубейкин, однако, заметил; в этом словно бы и заключалась странность его состояния, что мир в целом отодвинулся куда-то и растворился за исключением как раз тех деталей, которые обычно скрывал. Он хотел повернуться к сияющей отражениями задней стенке, но Алёна поспешно взяла его под руку, разворачивая вперед, и сказала:

— Не смотри.

Что было дальше? Тихая возня на пороге кабинета: жена тянула его в спальню, но он упирался, просился к своим книгам. В конце концов она уступила, и он обнаружил себя на кожаном диване в кабинете, на голом диване, неприятно приклеивавшемся к голой почему-то спине. Сверху он был укрыт серой больничной

простыней. Алёна, вопреки протестам, задернула шторы, отсекая солнечный свет. На письменном столе вспыхнула лампа за апельсиновым абажуром и неприятно ударила по глазам; едва он успел к ней привыкнуть, как вернулась Алёна и замотала абажур чем-то похожим на черную шаль. Шубейкин приподнялся, всматриваясь. Его стошнило.

Был врач, долго держал холодный лимб стетоскопа под левым соском. Шубейкин напряженно шурился, силясь понять патологию событий. Врач был неправильный, оплошный. Ах вот в чем было дело: где его белый халат? Где чемодан с красным крестом, где фельдшер? Врач был в старомодном сюртуке и пенсне, похожий на Чехова, — прекрасно, надо сказать, вписывался в антураж кабинета с дорогим деревом и темной кожей, но откуда взялся? Губы врача шевелились, Алёна стояла рядом в шелковом кимоно электрического зеленого цвета с ядовитыми цветами, слушала внимательно и кивала. Шубейкин был укрыт серой простыней, которую врач, выходя, натянул ему на глаза.

Он попытался откинуть простыню — что за шутки? — но руки не слушались. *Паралич*, стукнуло у него в голове. Кажется, яд змей или каких-то насекомых парализует жертву? Да мало ли что еще. Очевидно, все это не могло произойти с ним и было какой-то досадной ошибкой. А если он умирает? Ведь есть вполне серьезные, неглупые люди, которые считают вещный мир конструктом прихотливого сознания. Тогда, допустим, в момент угасания, нельзя ли допустить, что сознание теряет контроль, перестает гарантировать связность, путает явь и сон?

Кто-то сдернул с лица простыню. Комната, по крайней мере, была той же самой, только диван развернули лицом к двери, от которой видна была верхняя треть. Лампа сияла теперь ярко за спиной, а в шаль кутались удаляющиеся женские плечи. Дверь открылась, и первой вошла Ленор с закрытыми глазами. Рядом осторожно шел Ван Квандт — по развороту плеч было видно, что он ведет ее под руку. Короткая стрижка — вот что обмануло в ней с самого начала. Все черты лица однозначно вполне определяли кочевой род. Она присела рядом на край дивана.

Знал в предпоследнем своем содрогании Ромуальд Виленович, что когда откроются ее глаза, будут они в этот раз чернее ночи. Ван Квандт поднял огромную ладонь и нежно провел по ее узкому затылку. Цыганка опустила руки Шубейкину на плечи и слегка наклонилась вперед. Он собрался кричать, хотел набрать столько воздуха, сколько войдет в неотзывчивую грудь. Однако была определенная легкость в том, чтобы не дышать. Веки ее дрогнули и поползли непреклонно вверх. Он обреченно сглотнул и приготовился провалиться в ночь. Но вместо покойной гостеприимной темноты в приоткрывающихся глазах прорезались слепые горизонтальные полумесяцы.

Шубейкин решил все же закричать, увидев над собой под черными ресницами два плавающих, немигающих зеркала.